

* Встреча с интересным человеком

Иван Александрович
ЛЮБЕЗНОВ,

актер Государственного
академического
Малого театра Союза ССР,
народный артист Советского Союза,
лауреат Государственной
премии СССР

...По улице шел седой человек в строгом сером костюме. Шел он, чуть сутулясь и глядя прямо перед собой. Лишь изредка скользил взглядом по нарядной, разногласной толпе: наступал май.

Взглянув на него, можно было бы пройти мимо — обыкновенный человек, идет себе, куда ему надо, спокойно, неторопливо... Я сразу узнал Ивана Александровича Любезнова, с которым до того ни разу не встречался, лишь видел его в спектаклях Малого театра, на экране, на эстрадной площадке...

Он никогда не был «звездой» сцены или экрана, но, предлагая ему ту или иную роль в театре или кинематографе, режиссеры всегда были уверены в правильности своего выбора: талант Любезнова многие годы был и остается прочным, надежным.

ЖДУ НЕСЫГРАННУЮ РОЛЬ...

МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ у служебного входа в Малый театр, в котором актер работает вот уже тридцать пять лет. Вошли, поднялись на один из этажей, где находится гримерная актера. Он устало опустился в кресло и сказал:

— Устраивайтесь поудобнее за моим столиком. Курите...

Еще ребенком, учась в начальной школе, он любил лицедействовать и постоянно изображал кого-нибудь: разных там стариков, старух, своих одноклассников. В его аттестате об окончании школы в графе «какие ученик обнаружил склонности во время пребывания в школе», значилось: «стремление к драматическому искусству».

Однажды на одном из любительских выступлений молодого волгаря-астраханца оказался московский актер А. А. Костромин. Он и посоветовал Любезнову приехать в Москву учиться.

— А в Москве, — рассказывает Иван Александрович, — когда в 1928 году я приехал туда, Александр Александрович помог мне устроиться, собрал у себя друзей, чтобы прослушать меня. Все они, кроме... меня, были уверены, что непременно буду принят в театральный институт. И вот настал день, когда я предстал перед экзаменационной комиссией, в которую входили крупные деятели театра — Александр Павлович Петровский (он станет моим первым учителем в театре), Василий Васильевич Лужский, Федор Николаевич Каверин, Серафима Германовна Бирман... Сильно окая, я стал читать есенинского «Письмо женщине». Через минуту Серафима Германовна захохотала и выбежала из комнаты, где проходил экзамен. Так и не дочитав я Есенина. Не дали мне дочитать и басню «Два мушкетера». «Ну все, провалился», — решил я. Вдруг услышал вопрос: «Вы танцуете?» Я ответил сразу, не раздумывая: «Когда надо, танцую». Теперь захохотал Лужский... Словом, приняли меня. С тех пор прошло пятьдесят шесть лет...

— Итак, сыграны десятки, если не сотни, ролей — в кино, театре, на телевидении, радио, сотни выступлений на эстраде. Кстати, Иван Александрович, почему вы уже несколько лет не выходите на эстраду? Ведь ваши исполнения басен всегда пользовались огромным успехом у зрителей?

— Наверное, потому, что изжил себя на эстраде именно в этом жанре.

— Но есть другие жанры.

— Как говорится, руки пока не доходят.

— Да, с кино вы, кажется, перестали дружить в последнее время.

— Ну что вы! Это не так. Я люблю кинематограф и навсегда благодарен ему за те роли, которые сыграл перед кинокамерой. Мне по-прежнему звонят, предлагают ту или иную роль в кино, но... как вам сказать? В молодости ведь соглашались на любую роль из одного только обожания кинематографа. Сейчас — другое дело. Читаешь сценарий... и роль вроде большая... и есть интересные в ней куски... Но не про меня эта роль, понимаете? В том смысле, что не волнует меня в ней ничего, нет чего-то главного, ради чего стоит браться за дело. Естественно, отказываюсь. Предложили бы роль такого масштаба, как в спектакле «Ретро», — никакие бы болезни, никакая занятость не помешали бы.

— К слову, об этом спектакле, который все мы имеем радость посмотреть не так давно по Центральному телевидению. Вам ведь, кажется, не так часто случалось играть рабочего человека?

— Часто или нет, мне трудно сказать, но приходилось. В любом случае я старался вспомнить какого-то конкретного человека плюс, естественно, мои собственные размышления, домыслы, фантазии. Ведь нельзя сыграть конкретно кого-то. Даже братья-близнецы разнятся.

— Скажите, пожалуйста, как изменился рабочий человек за те, скажем, полвека, что проработали вы в искусстве?

— Очень изменился. И в нравственном, и интеллектуально. Не знаю, насколько верным будет мое сравнение, но мне кажется, что современный рабочий — это примерно инженер тридцатых годов. Он свободно читает чер-

тежи и именно по ним, а не по словесным указаниям срабатывает деталь. Его можно увидеть на концерте симфонической музыки, в библиотеке, театре, на художественной выставке — гораздо чаще и гораздо более заинтересованным, чем, возможно, 40—50 лет назад. В тридцатые годы рабочего играли несколько однопланово, однозначно, а он ведь, как любой человек, очень сложная психологическая организация. И мне непонятно, почему до сих пор иногда его, рабочего, выписывают в пьесах и играют по старинке — просто, без судьбы, нюансов, каких-либо сложных переживаний, душевных мук и так далее. В этом смысле мой герой из «Ретро» — прекрасное исключение из того, о чем сказал.

— Скажите, пожалуйста, при всем том богатейшем по разнообразию репертуару, который вы сыграли за десятилетия работы в театре и кино, есть, наверное, и у вас несыгранная роль, та, о которой всегда мечтали?

— Такая роль есть у каждого актера. Кто из моих коллег решится сказать, что он сыграл все, что хотел? Конечно, есть такая роль и у меня. Долгие годы мечтал сыграть горьковского Егора Булычова. И Вера Николаевна Пашенная всегда поддерживала меня в этом моем желании. Но не случилось...

— Иван Александрович, раньше я часто слышал: идем на Ревельскую или на Пашенную, идем на Яншина... Вообще, раньше ходили «кна актера». Сегодня чаще слышишь: пойдём на такой-то спектакль, фильм, на такого-то режиссера... Что бы это значило?

— Меня тоже мучает этот вопрос. Ответить на него не берусь. Во всяком случае не думаю, что перевелись таланты в нашем театре. Может, то, о чем вы говорите, происходит потому, что режиссеры чаще и больше «тянут одеяло на себя»? Стремятся не столько растворить себя в актере, сколько через актера выразить себя. Не знаю. Только театр и кино, вообще драматическое искусство без актера — пустое место...

— Как у каждого актера, у вас, верно, происходят встречи со зрителями. По моим наблюдениям, добрая половина встреч актеров со зрителями не несет в себе ничего интересного... для актеров. Ну, какая-то — в сотый раз повторенная — информация актера о себе, какие-то отрывки, тоже не один раз сыгранные, — и тем дело кончается. Диалога, настоящего общения нет. Играть в одни ворота. Почему, по-вашему, такое происходит?

— Так вы же сами почти ответили на свой вопрос.

— А не виноват ли еще и актер? Он едет на встречу со своей заранее подготовленной — на любого зрителя — программой выступления и тем невольно ограничивает тему встречи.

— Да в том-то и дело, что темы-то нет! Именно темы встречи. А программа — что ж? Должен же актер позаботиться о том, с чем он выступит перед людьми.

Зрителю, идущему на встречу с актером, тоже неплохо бы знать, что сыграл актер, каких героев, быть хоть как-то, но тоже подготовленным к этой встрече. Мне рассказывал один мой коллега, как неожиданно и интересно началась его встреча в одном Доме культуры. Он уже собирался начать выступление по своей программе, как вдруг кто-то из зала сказал ему: «Я пришел, чтоб сказать вам, что мне не понравился ваш герой в последнем фильме и не понравилась, что вы, исполнитель, пытаетесь его оправдать, «прикрыть». Неужели вы действительно и искренне защищали такого человека?». Слово за слово, завязался диалог, какой там диалог — спор, целая битва! В разговор вступили многие другие... О программе выступления вообще было забыто. Три часа пролетели, как три минуты! Вот где тема встречи! Всугда главное — человек, его достоинство или, напротив, падение, его поступки, мысли, социальное — нравственные причины того или иного человеческого деяния! Вот ради чего, видимо, надо встречаться. А не вообще — «для галочки». Поймите, актер играет в театре или в кинематографе не ради того, чтобы его погладили по шерстке или против шерстки. Конечно, нужна оценка ра-

боты — принципиальная, обобщенная. А не по принципу «нравится — не нравится». Это ребенок что-то нарисует или вылепит и ждет похвалы. А мы — профессионалы. Мы за свою работу деньги получаем, на хлеб насущный зарабатываем...

Что такое — встреча со зрителями? Если всерьез — это продолжение той же миссии, которую выполняет актер в театре и кино, на эстраде. А миссия-то не только художественная, но и идеологическая, воспитательная... И актер это понимает. И с мыслью именно об этом идет на каждую встречу. А ему задают дежурный вопрос: «Как вы работаете над ролью?». Ну, скажите честно, какую важную (в том плане, о котором я только что сказал) информацию несет в себе ответ на этот вопрос? Для зрителя. Для актера. Да и ответить-то на этот вопрос невозможно. Актер должен не только дать информацию, но и получить ее — от людей же. В мозг, сердце, душу. А именно это, главное, происходит очень редко. На встречах должно происходить взаимообогащение душ. Или я не прав?

Конечно же, прав он, этот актер, которого искренне любят зрители не одного уже поколения. Прав, потому что и сам не раз испытал горечь от таких встреч — «для галочки»... И его неожиданно длинный монолог — это откровение честного в искусстве и в жизни человека.

Он посматривает на часы, скоро должна начаться репетиция, а мне, как всегда при встрече с актером, хочется задать ему вопрос о случившихся в его жизни курьезах. Что я и сделал. Любезнов внимательно взглянул на меня и вдруг рассмеялся:

— Ну вот, и вы туда же... Впрочем, нет — вы другой случай, вы добываете информацию, как то велит ваша профессия. Курьезы, говорите?.. Сейчас уж и не припомню...

Тогда «припомнил» я сам. Порывшись в литературе об актере, я выбрал и предлагаю читателю случай, который произошел с Любезновым задолго до того, как он стал актером. Впрочем, курьез связан именно с выступлением на сцене. Итак, курьез «слово в слово», как рассказывал о нем больше тридцати лет назад сам Иван Александрович.

«...Наконец получил возможность выйти на сцену. Мне было тогда одиннадцать лет. Я должен был изображать ямщика. На мне был отцовский полушубок, черный с белой опушкой, красный кушак, голицы, шапка-ушанка. Для такого случая дед подарил мне настоящие рыбацкие высокие сапоги. Они были густо смазаны салом, пахли дегтем, и я с гордостью надел их в день спектакля. Моя учительница наклеила мне большую черную бороду, усы, надела парик. В таком виде долго стоял я за сценой в ожидании своего выхода. Меня никто не узнавал... Тихо, шепотом, много раз подряд повторял я про себя слова моей роли... Вот наконец я услышал нужную реплику и пошел...

Выйдя на сцену, я снял шапку, голицы, бросил их на пол и перекрестился на образ.

Стараясь произнести как можно громче текст своей роли, я медленно и важно сказал басом:

— Барыня, лошади поданы!

Барыня, роль которой исполнила моя учительница, ответила:

— Хорошо, выпей рюмку и убирайся вон.

Дрожащей от волнения рукой я налил из графина воду в большую рюмку и залпом выпил ее. Окрашенная чем-то вода была мутная, горькая, я поперхнулся и задержался на сцене. Тогда «барыня», топнув на меня ногой, гневно крикнула:

— Сейчас же убирайся вон, говорят тебе!

Вот тут-то я и узнал правду жизненной интонации, приняв текст роли барыни за слова и гнев самой учительницы. Я расплакался и ушел со сцены, унося в сердце горькую обиду. Так трагикомически закончился мой «дебют»...

Но обида прошла, а любовь к театру крепла все больше и больше. Сын, внук и правнук потомственных волжских речников стал актером...

Беседу вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.